

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2008 А.А. Шапошников

Российский государственный социальный университет

Понятия художественного пространства и времени устойчиво и по-своему традиционно выступают для научной мысли как важнейшие категории, конституирующие авторскую картину мира в художественном «космосе» писателя. Творчество М. Горького в этом плане не составляет исключения и неоднократно привлекало внимание в указанном аспекте, продуктивность которого представляется по-своему неисчерпаемой. При этом опыт, накопленный горьковедением и литературоведческой наукой в целом, нуждается ныне в определенной систематизации, - с тем, чтобы наметить исходные понятийно-терминологические предпосылки современного исследования в контексте обширнейшей истории и теории вопроса.

Категориальная соотнесенность художественного пространства и художественного времени получила известное определение «хронотоп» в трудах М. М. Бахтина [4, 502]. В данном случае двуплановость такого определения закладывала неизбежное противоречие в понимании доминантного - пространственного, либо временного начал при их неразрывности. Показательно, что сам М. М. Бахтин, отмечавший «ведущее значение» временного начала [4, 235], сосредоточивался на анализе доминант художественного пространства - «встреча-расставание (разлука)», «дорога», «быт», «странствование», «дом», «провинциальный городок», «картина мира». Эти пространственные ориентиры, в отличие от абстрактного восприятия временной перспективы, конкретизируют модель аналитической трактовки литературных произведений. Знаменательна в этом плане оценка пространства и времени в «Закате Европы» О. Шпенглера: «... Пространство — это понятие. Время есть слово, намекающее на что-то непонятное, звуковой символ, который ложно толкуют, если силятся трактовать его, по типу понятия, на научный лад. < ... > Пространство “есть”, оно существует в мире и с миром наших ощущений. < ... > “Время”, напротив, есть

открытие, совершаемое нами лишь в мыслительном акте; мы создаем его как представление или понятие, и только гораздо позднее нам брезжит, что и сами мы, поскольку мы живем, являемся временем» [39, 278].

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» М. М. Бахтин также определяет хронотоп «как преимущественную материализацию времени в пространстве» [4, 399], тем самым признавая, по сути, приоритет пространства по отношению к времени. В дальнейшем денотатами бахтинского хронотопа, его своеобразными «проводниками» стали термины известных научных школ XX столетия: «семантическое поле», «модель мира», «пространственная структура» [20, 237, 267, 289], «функциональный локус», «пространственный континуум» [29, 18, 31], «промежуточное пространство», «локус эпического пространства» [21, 100-101], «единый универсум» [30, 33], «мини-пространство», «парадоксальное пространство» [33, 476, 498, 520] и др. [13, 147-150].

Наиболее развернуто, с научной точки зрения, функциональность употребления понятия «художественное пространство» применительно к анализу прозы раскрывается, на наш взгляд, в работах Ю. М. Лотмана. Говоря о значении пространственной категории в структуре художественного текста, ученый отмечал: «Язык пространственных отношений... важен, так как принадлежит к первичным и основным. Даже временное моделирование часто представляет собой вторичную надстройку над пространственным языком» [19, 658]. Приводимое Ю. М. Лотманом бахтинское положение о временном преимуществе в хронотопе [18, 442] еще раз подчеркивает противоречивость введенного М. М. Бахтиным термина, который по-разному интерпретируется исследователями по причине заложенной в нем двуплановости восприятия.

Например, в исследовании Л. С. Левитана и Л. М. Цилевич утверждение о том, что «ведущим началом в хронотопе является время», вызывает

вопросы: «В чем смысл понятия “ведущее начало”? Время ведет за собой пространство – но как, куда, а главное – зачем оно его ведет?» [16, 128]. Рассмотрев эту проблему, ученые приходят к дифференциации значения термина М. М. Бахтина, считая, что «пространство хронотопа образует фабульный план, а время – сюжетный» [16, 129]. По-своему показательна позиция Д. С. Лихачева, где отражается особое видение спорной ситуации вокруг понятий времени и пространства в литературе: «...Пространство в словесном искусстве непосредственно связано с художественным временем. Оно динамично. Оно создает среду для движения, и оно меняется, движется. Это движение (в движении соединяется пространство и время) может быть легким или трудным, быстрым или медленным, оно может быть связано с известным сопротивлением среды и с причинно-следственными отношениями...» [17, 335]. Знаменательно в этой связи, что, например, Ю. М. Лотман разграничивает два направления литературоведческого анализа, исходя из видения преимущественной позиции одного из понятий времени или пространства: «...В первом случае примарно время, во втором – пространство; в первом случае художественное пространство означает натуральное, во втором оно может означать самые различные сущности, становясь языком моделирования» [18, 443]. В русле последнего подхода, где художественное пространство выступает приоритетом анализа хронотопа произведения, можно отметить фундаментальные труды Е. А. Мельниковой [21], Б. Н. Путилова [29], В. Н. Топорова [33].

Указанное направление исследований представляется продуктивной предпосылкой при обращении к творчеству М. Горького, где художественное пространство горьковских текстов может быть рассмотрено как важнейшее слагаемое хронотопа, не «исчерпывающее» полностью его образно-смыслового наполнения, но по-своему маркирующее динамику общего и особенного в построении авторской картины мира.

При обращении к вопросу о мировоззренческих основах творчества писателя, отметим, что здесь существует своя давняя и обширная история вопроса, ведущая свое начало от первых откликов на произведения Горького рубежа XIX–XX веков. Разноречивость этих оценок сменялась в советскую эпоху однозначными утверждениями о приоритетном влиянии на молодого писателя идей марксизма; в последние же годы вновь акцентируется наличие множественности факторов такого влияния [36, 136–162].

Философско-мировоззренческое начало проявляется у Горького в художественном осмыслении проблемы «самостояния» человека

определенной «среды», жизненные интенции которого отражают его необычное мироощущение. При этом средством концептуализации авторского видения мира и человека становится использование художественной пространственной *оппозиции* как структурообразующего фактора текста. В данном случае Горький соблюдает преемственность отечественной традиции, где наиболее значительным на организацию художественного пространства в произведениях писателя видится творчество Гоголя, Тургенева, Чехова. Но особенностью противопоставленных художественных топосов у Горького выступает именно их философско-эстетический аспект, дающий возможность художнику раскрыть мироотношение героя, связанного с конкретной пространственной структурой [36, 100–135], [28, 76–113]. В этом смысле художественная позиция Горького близка к утверждению П. А. Флоренского о «значении пространственности» в литературе: «Проблема пространства залегает в средоточии миропонимания во всех возникавших системах и предопределяет сложение всей системы... И чем плотнее сработана та или иная система мысли, тем определеннее ставится в качестве ее ядра своеобразное истолкование пространства. Повторяем: миропонимание – пространствопонимание... В художественном произведении ни сюжет, ни манера, ни технические средства и ни фактура характеризуют его наиболее существенно, а именно строение его пространства. Все остальное может быть названо до известной степени вторичным и акцидентальным, хотя и выводится в порядке целеосуществления из первичной характеристики – пространственной» [37, 272–273].

Таким образом, «пространствопонимание» горьковской картины мира как особый аспект исследования приближает к раскрытию концептуальной основы его ранних произведений. Такой аналитический подход способствует определению текстовых внутривидовых связей, интерпретация которых актуализирует изначальное эстетическое целеполагание художника.

Во всей необъятной множественности локусов, топосов, «миров», образующих горьковский художественный «космос» раннего периода, возможно предварительное вычленение его главных слагаемых. Давняя традиция деления произведений писателя на «романтически-аллегорические» и «реалистические» подразумевает и соответствующую оппозицию различным образом организованных пространственных рядов, где существование человека в мире актуализирует еще одну, достаточно традиционную (в том числе для мировоззрения и творчества писателя) оппозицию: естественно-природного

и социокультурного (цивилизационного) начал. Как представляется, именно в таких координатах анализ пространственных моделей горьковской картины мира может способствовать ее дальнейшему прояснению. Важно при этом то, что такая задача должна решаться прежде всего на материале раннего творчества писателя, что позволяет наметить перспективы более масштабных исследований в указанном аспекте.

Проблема художественного пространства в раннем творчестве М. Горького, как правило, не рассматривалась в качестве специального предмета исследования, но, тем не менее, уже в первых критических откликах современников наблюдались фрагменты пространственной аналитики (Н. К. Михайловский [22, 500-520], А. М. Скабичевский [31, 261-278], В. В. Боровский [9, 49-68], М. Гельрот [10, 381-492]), которые носили частный характер или символически интерпретировали авторскую идею. Впоследствии как в советском горьковедении (А. Волков [8], И. А. Груздев [11], Э. Бабаян [2], С. В. Заика [14], Н. Е. Крутикова [15], Г. Богач [6], Н. А. Гуляев [12]), так и в исследованиях зарубежных славистов (А. Труайя [34], И. Уайл [35], Г. Хьетсо [38]) указанная тема, так или иначе, затрагивалась на уровне отдельных наблюдений и в различных аспектах изучения творчества художника. В некоторых работах пространственный анализ носил более развернутый характер. Так, например, в процессе формирования темы исследований «Горький и фольклор» обращение к ранним сказочно-аллегорическим произведениям подразумевало и «пространственный» анализ «сказочной поэтики» как «основополагающего компонента стиля раннего Горького» [40, 115-122]. В обращении же к реалистическим произведениям художника 1890-х годов символика пространства чаще всего рассматривалась как своеобразный проводник «идеологем» «пролетарского писателя» [25].

Вместе с тем ближе к исходу XX столетия в горьковедении стали намечаться попытки обобщенного осмысления специфики художественного пространства в горьковской картине мира - на уровне «пространственных эстетических представлений» писателя, отражающих «национальный художественный вкус» [26, 20]. Одновременно актуализировались проблемы рассмотрения динамики общественного сознания современной Горькому эпохи, где на рубеже XIX—XX веков происходили кардинальные «изменения... представлений о времени и пространстве» [23, 134], что не могло не находить отражение в творчестве художника.

Для нас важно здесь отметить, что в контексте подобного направления исследований во

многом по-новому рассматривалась проблема соотношения природно-естественного и социокультурного начал в творчестве Горького; актуализировалась сложная динамика ценностных приоритетов писателя применительно к понятиям «человек природы» и «человек культуры», «мира природного» и «мира социального» [24, 165], воплощенным в образной конкретике. В целом же необходимо отметить, что для «постсоветского» периода рубежа XX—XXI столетий в горьковедении показательны элементы культурологического подхода, где генезис творчества художника рассматривался в различных, во многом новых направлениях научных изысканий.

При обращении к теме художественного пространства произведений Горького актуализировались философско-эстетические трактовки его творческого феномена (П. В. Басинский [3], Л. М. Спиридонова [32], Т. Д. Белова [5], А. Б. Удодов [36], Т. А. Никонова [24], Н. Н. Примочкина [27], А. В. Прошунин [28]).

Здесь одним из важнейших, на наш взгляд, направлений исследований становится рассмотрение горьковского феномена в свете проблем *национальной идентичности*, где личностно-творческая самореализация художника предстает как самоидентификация в горизонте отечественной культуры [36, 106-112]. Такой подход выводит на новый уровень осмысления пространственных форм картины мира в художественной практике писателя, когда, например, топос «степи», устойчиво присутствующий в горьковских текстах, соотносится с понятием «русской равнины» и поэтому играет ключевую роль в историческом формировании ментальных черт национального характера [36, 106-112].

Все это свидетельствует об актуализации исследования художественной топологии творчества писателя в культурологической парадигме, где традиционная тема соотношения естественно-природного и социокультурного начал представляется одной из ключевых. Вместе с тем следует констатировать, что монографических исследований художественного пространства применительно к указанной теме в творчестве Горького на сегодняшний день не существует. Необходимость же обобщения накопленного опыта и его концептуального осмысления в намеченном аспекте, думается, объективно назрела. Все это определяет, по нашему мнению, наличие определенной *научной проблемы*, требующей концептуального осмысления, — с тем, чтобы на новом углубленном уровне прояснить конституирующие основы горьковской картины мира в контексте отечественной культурной и литературной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) / М. Агурский // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 5475.
2. Бабаян Э. Ранний Горький (У истоков творчества) / Э. Бабаян. М.: Худож. лит., 1973. 232 с.
3. Басинский П. В. Русская литература конца XIX—XX века и первой эмиграции / П. В. Басинский, С. Р. Федякин. — М.: Академия, 2000. 525 с.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
5. Белова Т. Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890—1910е годы) в контексте культурологических исканий эпохи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Белова Т. Д. М., 2001. 49 с.
6. Богач Г. Ф. Горький и молдавский фольклор / Г. Ф. Богач. Кишинев: Картя молдаванскэ, 1966. — 234 с.
7. Бялик Б. А. Судьба Максима Горького / Б. А. Бялик. 3е изд. М., Худож. лит., 1986. 478 с.
8. Волков А. М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX веков / А. Волков. М.: Сов. писатель, 1954. 495 с.
9. Боровский В. В. Литературно-критические статьи / В. В. Боровский. М.: Гослитиздат, 1956. 479 с.
10. Гельрот М. Ницше и Горький (Элементы ницшеанства в творчестве Горького) / М. Гельрот // Максим Горький: Pro et contra: Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей: 1890е—1900е годы: Антология / сост. Ю. В. Зобнин. — СПб.: РХГИ, 1997. С. 381492.
11. Груздев И. Горький и его время / И. Груздев. 3е изд. — М.: Госполитиздат, 1962. 700 с.
12. Гуляев Н. А. Романтизм в раннем творчестве Горького / Н. А. Гуляев // Из истории русского романтизма. Кемерово: КГПИ, 1971. С. 160171.
13. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. М.: Искусство, 1990. 396 с.
14. Заика С. В. Горький и русская классическая литература конца XIX—начала XX века / С. В. Заика. М.: Наука, 1982. 144 с.
15. Крутикова Н. Е. В начале века. Горький и символисты / Н. Е. Крутикова. Киев: Наук. думка, 1978. 307 с.
16. Левитан Л. С. Сюжет и идея / Л. С. Левитан, Л. М. Цилевич. Рига: Звайгзне. 275 с.
17. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. М.: Наука, 1979. 352 с.
18. Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. — СПб.: ИскусствоСПб, 1998. 704 с.
19. Лотман Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство — СПб, 1997. 848 с.
20. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство, 1970. 317 с.
21. Мельникова Е. А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе / Е. А. Мельникова. М.: Мысль, 1987. 203 с.
22. Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи / Н. К. Михайловский. М.: Гослитиздат, 1957. 664 с.
23. Мущенко Е. Г. Путь к новому роману на рубеже XIX—XX веков / Е. Г. Мущенко. Воронеж, 1986. 185 с.
24. Никонова Т. А. «Новый человек» в русской литературе 1900—1930х годов: проективная модель и художественная практика / Т. А. Никонова. Воронеж: ВГУ, 2003. 232 с.
25. Певцова Р. Т. Проблема своеобразия мировоззренческой позиции и художественного метода молодого М. Горького: Дис. ... докт. филол. наук / Певцова Р. Т. М., 1996. 484 с.
26. Пискунов В. Тема о России. Россия и революция в литературе начала XX в. / В. Пискунов. М.: Сов. писатель, 1983. 376 с.
27. Примочкина Н. Н. Писатель и власть. Горький и литературное движение 20х гг. / Н. Н. Примочкина. М.: Росспэн, 1996. 254 с.
28. Прошунин А. В. Образконцепт «Странника» в раннем творчестве М. Горького (генезис и типология): Дис. ... канд. филол. наук / Прошунин А. В. Воронеж, 2005. 238 с.
29. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1988. 223 с.
30. Рымарь Н. Т. Хронотоп и диалог / Н. Т. Рымарь // Хронотоп: Межвуз. науч. тематич. сб. — Махачкала, 1990. С. 3136.
31. Скабичевский А. М. Горький. Очерки и статьи / А. М. Скабичевский // Максим Горький: Pro et contra: Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей: 1890е—1900е годы: Антология / сост. Ю. В. Зобнин. СПб.: РХГИ, 1997. С. 261278.
32. Спиридонова Л. А. Горький: новый взгляд / Л. А. Спиридонова. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 264 с.
33. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. М.: Прогресс. Культура, 1994. 621 с.
34. Труайя А. Максим Горький / А. Труайя. М.: Эксмо, 2004. 320 с.
35. Уайл И. Максим Горький. Взгляд из Америки. Книга о жизни и творчестве А. М. Горького / И. Уайл. М., 1993. 124 с.
36. Удодов А. Б. Феномен М. Горького как эстетическая реальность: генезис и функционирование (1880е начало 1900х годов) / А. Б. Удодов. Воронеж: Воронежский гос. пед. унт. 1999. 268 с.

37. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / П. А. Флоренский. — М.: Мысль, 2000. — 446 с.
38. Хьетсо Г. Максим Горький. Судьба писателя / Г. Хьетсо. М.: Наследство, 1997. 344 с.
39. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2х т. / О. Шпенглер. М.: Мысль, 1998. Т.1.
40. Шустов М. П. К проблеме сказочности стиля М. Горького («Макар Чудра») / М. П. Шустов // М. Горький и вопросы литературных жанров. Горький, 1978. С. 115-122.